

Камиллери Андреа Россия, 2006 - 5 апр. - с. 15

«Синьор Детектив»

В Италии его называют «Синьор Детектив», ибо в наше время, когда книжный рынок в мире буквально наводнен детективной продукцией, в Италии нет равных писателю Андреа Камиллери.

Беседовала
Ирина Баранчеева, Рим.
Фото автора

Среднего роста, коренастый, Андреа Камиллери говорит медленно низким голосом, куря одну сигарету за другой. Он очень напоминает комиссара Мегрэ, и, как я поняла немного позже, отнюдь не случайно, поскольку известный писатель, а в прошлом сценарист и режиссер, много лет был автором знаменитого в Италии телесериала, посвященного герою Жоржа Сименона.

Камиллери родился в поселке Порто Эмпедокле на Сицилии, родине другого выдающегося итальянского писателя — Луиджи Пиранделло. В 1978 году он дебютировал как романист, опубликовав «Порядок вещей», а уже второй его роман «Струйка дыма» получил престижную премию «Джела».

В 90-х годах Камиллери пишет и публикует романы с детективным сюжетом, которые поставили его в один ряд с такими писателями, как Л. Шаша, К.Э. Гадда, У. Эко, М. Пьюзо и другими, работающими в том же жанре. Позднее в детективах Камиллери появился герой-сыщик комиссар Монталбано, действующий в романах «Форма воды», «Собака из терракоты», «Вор пирожных», «Голос скрипки» и в многочисленных рассказах, — своего рода Шерлок Холмс, комиссар Мегрэ, Эркюль Пуаро или мисс Марпл, который принес его создателю славу и в то же время стал его наваждением. Романы Андреа Камиллери издаются теперь и в России.

В своей римской студии, загроможденной книгами и самыми невероятными предметами, какие только могут заинтересовать сочинителя детективов, писатель поделился с нами размышлениями о тайнах своего мастерства, о комиссаре Монталбано и, конечно, о прошлом и будущем детективного романа.

— В последнее время книжный рынок наводнен самой разнообразной детективной продукцией. Как вы объясните этот феномен?

— Детективный, полицейский роман, который диктует своему создателю довольно жесткие правила, довольно прост для написания. В каком-то смысле «детективчики» чувствуют себя защищенными рамками детективного жанра. Поэтому многие дебютанты предпочитают брать за детективы, а не любовные или психологические романы, где ты знаешь, как начать писать, но не всегда знаешь, как закончить, в то время как в детективе ты должен только соблюдать правила.

— Вы могли бы в двух словах сказать об этих правилах?

— Скальфари (известный журналист, основатель газеты «Реп-

публика». — И. Б.) был не так уж и не прав, когда атаковал детективный роман за его штампы. То есть ты всегда находишь кого-то убитым и вокруг этого разворачивается привычное расследование, которое приводит к воссозданию того порядка вещей, который нарушил убийца. Иными словами, убийца всегда наносит ущерб обществу, а полицейский или следователь ставит все на свои места.

— И это ему всегда удается?

— Конечно. Все нити у него в руках... Однако должен заметить, что это верно лишь отчасти... потому что в последнее время ситуация несколько изменилась. Теперь среда, где происходит преступление, стала более важна, чем преступление как таковое. Поэтому детективные романы хорошего качества трансформировались в своего рода романы-эссе, романы-исследования — социально-политические, социально-психологические и т.д. Детектив начал раскрывать некоторые стороны жизни общества. В тот момент, когда контекст стал более важным, чем текст, детективный роман получил новое развитие. Уже достаточно сказать: «Убийца такой-то». Мы должны понять, почему он совершил убийство — почему он оказался в данной ситуации.

— Значит, не случайно некоторые писатели выбирают форму детектива для того, чтобы написать исторические или психологические романы?

— Структура детективного романа открывает перед нами возможность написать прекрасный детектив об убийстве Юлия Цезаря и в то же время погрузиться в историческую обстановку того времени. Ведь каждый, кто читает книгу, основанную на реальных, а не вымышленных событиях, вынужден провести свое расследование. Нужно только знать — этому нас научил Достоевский, — проводится ли это расследование полицейской структурой или сам индивидум исследует себя и окружающий его мир.

— Можете привести пример?

— Вы помните «Царя Эдипа», где поначалу главный герой не может объяснить происхождение того зла, которое постигло им управляемый город? Но постепенно он осознает, что это зло и есть он сам. Это первый великолепный детектив, написанный в истории человечества. Не говорю, что обязательно преступление, но мотор, который движет эволюцией, — это постоянное расследование, постоянный вопрос.

— Следовательно, для вас литература любого типа построена на расследовании и содержит в себе маленький детектив?

— Да. Вспомним «Библию». Двое судей обвиняют Сузанну в том, что она была застигнута под деревом с юношей и должна быть предана смерти за прелюбодеяние. Но пророк Даниил говорит: «Кровь этой женщины не падет на меня». «Почему?» — спрашивают его. «Потому что я говорил с судьями, и они не убедили меня». И здесь происходит первый в истории детективного романа перекрестный допрос. «Какое дерево это было?» Один свидетель говорит: «Тополь». А другой: «Яблоня». Нет! Стоп! Не может быть, чтобы вы указывали на такие разные деревья, если оба присутствовали при прелюбодеянии. И Даниил ставит под сомнение всю историю. А это уже детектив, не будучи, строго говоря, детективом.

— Классический детектив имеет английские корни?

— Я бы сказал, американские. Каковы элементарные правила детектива? Они таковы, что ты, автор, не имеешь права запутывать читателя. Ты должен предоставлять ему те же возможности, ко-

торыми обладает следователь. Случается, что читатель, если способности это ему позволяют, раскрывает преступление первым. И это большая заслуга детектива — пригласить читателя на роль следователя, заставить его идентифицировать себя с ним.

— Когда вы начали создавать детективы?

— Я писал исторические романы, и мой метод был абсолютно анархичным. Но однажды я спросил себя: «Способен ли ты, Андреа, написать роман, который начинается с начала истории и заканчивается в конце ее?» Задав себе этот вопрос, я понял, что роман, который я могу написать подобным образом, может быть только детективом. Мой комиссар Монталбано также родился не из необходимости его присутствия в повествовании, но благодаря моей внутренней дисциплине. Когда же я закончил первый такой роман «Форма воды», я понял, что довольно поверхностно «нарисовал» моего комиссара Монталбано. И тогда, чтобы лучше определить его черты, я написал второй роман «Собака из терракоты», после чего у меня не было ни малейшего желания продолжить это дело. Но два упомянутых романа имели такой невероятный успех... что повлекли за собой и другие. Мой герой начал жить собственной жизнью, а я оказался глубоко замешан в эту историю. Я совсем не собирался быть «детективщиком», друзья мои!

— У комиссара Монталбано есть прототип?

— По-моему, этот персонаж был мной выдуман. Однако когда я написал четвертый роман, моя жена сказала мне нечто такое, что повергло меня в шок, поскольку я должен был признать ее правоту. Она сказала мне: «Ты отдаешь себе отчет в том, что твоим Монталбано ты создаешь портрет своего отца?» И это правда!

— Зная о ваших сицилийских корнях, мне было странно не найти в ваших детективах проблем, связанных с мафией.

— Это мой выбор. В романах с Монталбано мафия всегда присутствует, но, скажем, на втором плане. Почему? Мой долг признать, что мафия на Сицилии есть, и я признаю это. Но не хочу идти дальше, поскольку считаю, что делать главным героем мафиозного персонажа — значит в какой-то мере оправдывать его. А я этого делать не хочу. Великий сицилийский писатель Леонардо Шаша написал свой знаменитый роман «День совы», посвященный мафии. Там есть герой-мафиозо Дон Мариано Арена, который в какой-то момент становится тебе симпатичным. Когда мафиозный персонаж вызывает симпатии читателей, это большой риск, который провоцирует писателя.

— Каково, на ваш взгляд, будущее детектива?

— Думаю, что детективный жанр очень повлияет на литературу в целом, на структуру рассказа, как мы в свое время пережили на себе влияние романов, которые не были детективами. Думаю, что у детектива хорошее будущее. Не знаю, сколько оно продлится, но до сегодняшнего дня уже длилось достаточно.